

206
603

О ЧЕРКЪ

ПРОИСХОЖДЕНІЯ И ПОСТЕПЕННАГО ЗАТѢМЪ УПРАЗДНЕНІЯ
ВЪ РОССІИ СОВѢСТНЫХЪ СУДОВЪ И СУДА ПО СОВѢСТИ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ А. О. КИСТЯКОВСКАГО.

Оттискъ изъ журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Правительствующаго Сената.

1893.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) Военно-судебный уставъ. Раздѣлы II, III и IV 1884 и 1885 г. Цѣна 40 к. съ пересылкою 60 к.

2) Уставъ эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи. Цѣна 25 к.

3) Правила о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ. Цѣна 25 к.

4) Правила о порядкѣ приѣма и расходованія денежныхъ суммъ, поступающихъ въ мировыя и гминныя учрежденія, а равно о счетоводствѣ и отчетности по этимъ суммамъ, съ Объяснительною Занискою. Цѣна 1 р.

5) Руководство къ уголовному процессу. Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 25 к. Выпускъ II. Цѣна 75 к. Выпускъ III. Цѣна 75 к. Цѣна за все три выпуска, составляющіе большой томъ въ 41 нечатный листъ 2 р. 50 к. Для гг. студентовъ и для подписчиковъ журнала 2 р.

6) Систематизированный постатейный и алфавитный указатель къ Журналу Гражданскаго и Уголовнаго Права, за двадцатилѣтіе 1871—1890 гг. Цѣна 1 р.

Рѣшенія сената: гражданскаго и уголовнаго кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія за 1890 и 1891 годы. Цѣна за каждый годъ по 3 р.

О Ч Е Р К Ъ

ПРОИСХОЖДЕНІЯ И ПОСТЕПЕННАГО ЗАТѢМЪ УПРАЗДНЕНІЯ
ВЪ РОССІИ СОВѢСТНЫХЪ СУДОВЪ И СУДА ПО СОВѢСТИ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ А. О. КИСТЯКОВСКАГО.

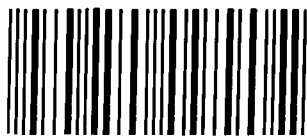
Оттискъ изъ журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1893.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя С.-Петербургскаго Юридическаго
Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.

2007112023

ОЧЕРКЪ ПРОИСХОЖДЕНІЯ И ПОСТЕПЕННАГО ЗАТЪМЪ УПРАЗДНЕНІЯ ВЪ РОССІИ СОВѢСТНЫХЪ СУДОВЪ И СУДА ПО СОВѢСТИ.

Историко-юридическій этюдъ.

(Посвящается памяти А. О. Кистяковскаго).

Не такъ давно печать сообщила, что въ министерствѣ юстиціи возникло предположеніе о возстановленіи существовавшихъ раньше у насъ совѣстныхъ судовъ, имѣвшихъ цѣлью разрѣшеніе такихъ споровъ, а также преслѣдованіе такихъ уголовныхъ нарушеній, которыя прямо не предусмотрѣны въ дѣйствующихъ законахъ.

По этому поводу, быть можетъ, любопытно будетъ ознакомиться, хотя бы только въ бѣгломъ очеркѣ, съ источниками, откуда первоначально почерпнуты были дѣйствовавшіе у насъ въ прежнее время постановленія о *совѣстныхъ судахъ* и о введенной впослѣдствіи, взаимѣнъ этихъ учрежденій, судебными уставами 1864 г. особой формы суда *по совѣсти*.

Предметъ этотъ, какъ мнѣ кажется, интересенъ и самъ по себѣ, потому что разсмотрѣніе его послужить еще разъ подтвержденіемъ вывода, правильность котораго, впрочемъ, многими изслѣдователями и понинѣ оспаривается, вывода о томъ, что всѣ разсужденія на тему о чисто національномъ характерѣ русскихъ гражданскихъ законовъ, являющихся непосредственнымъ будто бы отраженіемъ какъ

многообразныхъ внѣшнихъ условій жизни русскаго народа, такъ и его духовнаго склада и міросозерцанія ¹⁾, не имѣютъ подъ собою твердой почвы, и что, въ дѣйствительности, большинство нашихъ гражданскихъ законовъ—древнихъ и новыхъ, матеріальныхъ и процессуальныхъ—представляютъ лишь конгломератъ разнаго рода опредѣленій, набранныхъ часто изъ различныхъ, по своему духу и направленію, иностранныхъ кодексовъ и юридическихъ трактатовъ.

Постановленія о совѣстныхъ судахъ, размѣщенные въ сводѣ законовъ во II томѣ, во 2 части X т. и 2 книгѣ XV т., основаны преимущественно на главѣ XXVI (ст. 395—403) изданнаго Императрицею Екатериною II „Учрежденія для управленія губерній Всероссійскія имперіи“.

Я, по другому случаю, позволилъ себѣ на страницахъ этого же журнала указать на неосновательность мнѣнія ученыхъ юристовъ, утверждающихъ, будто учрежденіе о губерніяхъ, въ его общемъ и цѣломъ, составляетъ оригинальный продуктъ самостоятельнаго творчества русскаго законодательства, одну изъ лучшихъ, какъ выразился Лохвицкій, комбинацій человѣческаго ума, честь которой принадлежитъ вполнѣ Императрицѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ законодательный актъ является просто сборникомъ статей, прямо списанныхъ, да и то не совсѣмъ удачно, съ иномезныхъ образцовъ: напр. статьи о власти государева намѣстника (генераль-губернатора) содержатъ лишь переводъ статей шведскаго уложенія 1734 г. о должности ландсгевдинга (Landshöfding); установленныя по „учрежденію“ особыя для каждаго сословія судебныя мѣста, уѣздные суды, магистраты и расправы, скопированы съ шведскихъ судовъ: герадскаго, лагманскаго, кемнерскаго и ратгаузскаго; статьи объ опекунскихъ учрежденіяхъ, образованныхъ на сословномъ началѣ (дворянскихъ опекахъ и сиротскихъ судахъ) составлены подъ очевиднымъ вліяніемъ

¹⁾ Смотри напр., *Н. П. Загоскина* „Методъ и средства сравнительнаго изученія древняго обычнаго права славянъ и проч.“ Казань, 1877 г., стр. 3 и слѣд.

трактата Потье: „De la garde noble et bourgeoise“ ¹⁾). Что же касается, въ частности, *соотстныхъ судовъ*, то, произведя качественный анализъ трактующей о нихъ 26 главы „учрежденія“, мы приходимъ къ тому несомнѣнному результату, что послѣдняя, по своему составу и содержанію, представляетъ странную смѣсь узаконеній *малороссійскихъ* и *англійскихъ*, приправленную нѣсколькими афоризмами *латинскаго* и *итальянскаго* происхожденія.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ Малороссіи издавна существовали особые суды, назначеніе которыхъ состояло въ примирительномъ и, во всякомъ случаѣ, сокращенномъ, чуждомъ всякаго фѣрмализма, производствѣ спорныхъ дѣлъ. По присоединеніи же войска запорожскаго къ московскому государству, центральное русское правительство, снисходя къ ходатайствамъ малороссійскаго народа, особенно дорожившаго означенными судами, какъ соотвѣтствующими вполнѣ „древнимъ добрымъ малороссійскимъ порядкамъ и обыкновеніямъ“, оставило эти суды подъ именемъ *третейскихъ*, на прежнихъ основаніяхъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ даннаго Императрицею Анною Іоанновною 8 августа 1734 г. на имя тогдашняго правителя Малороссіи, князя Шаховскаго, указа, въ которомъ (въ п. 4) говорится: „третейскимъ судомъ, какіе при гетманѣ Апостолѣ, по приказамъ его, отправляли генеральная старшина, бунчуковые товарищи, полковая старшина и сотники и оканчивали примиреніемъ, а иные и приговорами, бытъ и нынѣ *по тому обыкновенію, по прежнему*“ (первое пол. собр. законовъ, № 6614).

Объ этихъ то третейскихъ судахъ въ составленномъ въ 1743 году въ *Глуховѣ* официальномъ сводѣ „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“, въ пунктахъ 1 и 2 артикула 24 главы VII постановлено слѣдующее:

¹⁾ Смотри мою статью: „О чужеземномъ происхожденіи большинства русскихъ гражданскихъ законовъ“ въ Журналѣ гражд. и угол. права за 1884 г. № 10, стр. 135, и 143 и за 1885 г. № 6, стр. 76.

„*Понеже* въ войсковомъ генералномъ судѣ всякіе криминальные и расправочные дѣла многимъ числомъ бывають, а иные челобитческіе дѣла либо миромъ, краткимъ произвожденіемъ и мимо судъ генералній рѣшиться могутъ, *того ради*, какъ прежде сего въ Малой Россіи отъ гетмановъ при войсковой генеральной канцеляріи учреждаемъ бываль, кромѣ генералнаго суда, особливій судъ, третейскимъ называемый, въ который опредѣлялись по нѣсколку персонъ разныхъ чиновъ, такъ и всегда оному третейскому суду, для скорѣйшаго дѣлъ челобитческихъ отправленія, учрежденну быть надлежитъ по прежнему, изъ персонъ разныхъ чиновъ знатныхъ, добросовѣстныхъ и въ правахъ искусныхъ; дѣла же въ немъ производить *одни только расправочные*, которые именно по челобитю истцовъ и по усмотрѣнію и опредѣленію войсковой генеральной канцеляріи порученни будутъ, кромѣ криминальныхъ, публичному наказанію и смертной казни подлежащихъ дѣлъ, а въ произвожденіи такихъ дѣлъ должны оные опредѣленіе персони содержать надлежащій правній порядокъ, по артикуламъ сего права, какъ и въ протчихъ судахъ...., выдавая правой сторонѣ декреты или приговоры, обыкновенно за руками и печатми своими.... А которая бѣ сторона декретомъ, или приговоромъ такова третейскаго суда не была довольна, тая свободна апелювать въ судъ войсковій генеральной....“

Обращаясь же въ *англійскому* судопроизводству, мы встрѣчаемся тамъ, какъ извѣстно, съ своеобразною формою и областью суда,—*судомъ совѣсти* или *справедливости*, главнымъ представителемъ котораго является судъ канцлера (Court of chancery) по отдѣленію справедливости (Court of equity), отличающійся отъ *судовъ общаго права* (common law courts) особымъ порядкомъ процесса и характерною областью судебной власти.

Въ отношеніи *формы и порядка производства* существенное различіе между судами справедливости и судами общаго закона заключается въ томъ, что въ первыхъ, въ противоположность послѣднимъ, вопросъ *права* не отдѣляется

отъ вопроса *факта* и, потому, судъ по equity предоставлено рѣшать дѣла безъ участія присяжныхъ. Далѣе, общее право (common law) требуетъ, чтобы судъ производился по положительнымъ законамъ и обычаямъ, secundum legem et consuetudinem Angliæ, между тѣмъ какъ право equity предписываетъ судьямъ рѣшать дѣла по собственному благоусмотрѣнію, secundum sanas discretiones, по началамъ æqui et boni и по правиламъ, выработаннымъ прежними рѣшеніями и практикою судовъ справедливости, общая мысль которыхъ, унаслѣдованная отъ верховной королевской юстиціи, проникнутой духомъ каноническаго права, считавшагося, вмѣстѣ съ тѣмъ, преемникомъ римскаго преторскаго права, заключалась всегда, выражаясь словами проф. Гейнце, „въ примиреніи матеріальнаго права съ формальнымъ, въ приспособленіи правосудія къ новымъ, болѣе разумнымъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе сложнымъ условіямъ народной жизни и цивилизаціи и устраненіи тѣхъ препятствій, какія противопоставлялъ тяжелый формализмъ common law осуществленію требованій нравственности и справедливости“.

Что же касается *круга вѣдомства* courts of equity, то имъ, между прочимъ, подлежатъ слѣдующіе предметы: дѣла о недѣйствительности сдѣлокъ, основанныхъ на обманѣ (fraud), обезпеченіе отъ убытковъ и вознагражденіе за вредъ, причиненный *случайно*, по ошибкѣ или по недоразумѣнію и проч. и, кромѣ того, цѣлая категория дѣлъ по опека и искамъ *лицъ, не имѣющихъ права исать и отвѣчать на судъ*, а равно дѣла такъ называемой статутной юрисдикціи, по которой канцлеръ *наблюдаетъ за дѣйствіемъ акта Habeas Corpus*, завѣдываетъ благотворительными заведеніями и разсматриваетъ дѣла о *банкротствѣ* и дѣла юрисдикціи специальной, по которой канцлеръ имѣетъ исключительный авторитетъ надъ личностью и имуществомъ *безумныхъ и сумасшедшихъ* ¹⁾.

¹⁾ Смотри *Рудольфа Гейнце*—Очеркъ англійскаго судоустройства. С.-П.-бургъ, 1866 г., стр. 40—44: *С. Н. Заруднаго*—Суды справедливости и общаго закона, въ журналѣ министерства юстиціи за 1862 г., т. XIV кн. 12 стр. 512 и 517 и *passim*

Вотъ тѣ главные источники, откуда составители учрежденія о губерніяхъ извлекли матеріаль для сочиненія главы 26 сего учрежденія. Но *какъ* воспользовались они заимствованнымъ матеріаломъ—объ этомъ можно составить себѣ понятіе, только разобравъ каждую статью означенной главы въ отдѣльности.

Таковымъ разборомъ я и займусь.

Учреж. о губ. ст. 395.

„*Понеже личная безопасность* каждаго вѣрноподданнаго весьма драгоценна есть *человѣколюбивому* Монаршему сердцу, и для того, дабы подать руку помощи *страждущему иногда по несчастному какому ни на есть приключенію*, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, *отягчающихъ судьбу его выше мѣръ имъ содѣяннаго...*, повелѣваемъ установить въ каждомъ намѣстничествѣ (каждой губерніи) по одному суду подъ названіемъ: „совѣстный судъ“.

Можно, я думаю, безошибочно утверждать, что, по вѣдшей своей конструкціи, приведенная статья учрежденія о губерніяхъ составляетъ подражаніе началу цитированнаго выше 1 параграфа артикула 24 главы VII малороссійскаго свода, въ коемъ поводъ закона (*occasio legis*) выраженъ точно также въ формѣ причиннаго періода, главныя части котораго связаны между собою союзами: „понеже—того ради“, а самый текстъ нашей статьи мозаикообразно составленъ изъ различныхъ, вошедшихъ и въ екатерининскій большой наказъ, изреченій и сентенцій, набранныхъ изъ знаменитой книги итальянскаго мыслителя Беккари: „о преступленіяхъ и наказаніяхъ“, гдѣ въ § IV говорится, что „цѣль, для которой существуетъ общество, заключается въ *личной безопасности*“; въ § XX, что „*милосердіе* должно быть добродѣтелью законодателя“ и что „законодатели должны быть и снисходительны, и милостивы, и *человѣколюбивы*“; въ § XXXII, что заслуживаетъ снисхожденія должникъ, который дока-

Н. К. Ренненкампа—Очерки юридической энциклопедіи, изд. 2 стр. 128—129;

П. Маркова—Очеркъ гражданскаго судопроизводства въ Англіи, стр. 15—19.

заль бы, что или злоба, или несчастье другаго лица, или же *обстоятельства, независяція отъ человѣческой предусмотрительности*, лишили его принадлежащаго ему имущества, а въ § XXIII, что необходима *опредѣленная соразмѣрность между преступленіемъ и наказаніемъ* ¹⁾). Но нечего, я полагаю, доказывать, что всѣ эти изреченія, оторванныя отъ своихъ мѣстъ и произвольно втиснутыя въ рамки настоящей статьи учрежденія о губерніяхъ, представляютъ лишь совокупность фразъ, не выражающихъ никакой опредѣленной цѣльной мысли и, во всякомъ случаѣ, не дающихъ ни малѣйшаго понятія ни о существовавшемъ издавна въ Малороссіи такъ называемомъ *третейскомъ судѣ*, ни о насильственно сопряженномъ съ нимъ англійскомъ *судѣ справедливости*, ни о происшедшемъ отъ этого мезальянса дѣтищѣ, окрещенномъ, въ переводѣ съ англійскаго на русскій языкъ, именемъ *совѣстнаго суда*.

Ст. 396.

„Въ совѣстномъ судѣ предсѣдаетъ совѣстный судья губерніи, а засѣдаютъ“... (по два выборныхъ члена отъ дворянъ, городскихъ и сельскихъ обывателей) „люди добросовѣстные, законы знающіе и ученіе имѣющіе“.

Эта статья, вошедшая въ ст. 2438, т. II ч. 1 общ. губернскаго учрежд., изд. 1857 года, прямо заимствована изъ приведеннаго выше § 1 арт. 24 гл. VII малороссійскаго свода, гдѣ сказано, что въ третейскій судъ опредѣляются „по нѣскольку персонъ разныхъ чиновъ... знатныхъ, добросовѣстныхъ и въ правахъ искусныхъ“.

Ст. 397.

„Совѣстный судъ вообще судить такъ, какъ и всѣ прочіе суды, *по законамъ*, но какъ совѣстный судъ устанавливается быть преградой частной, или *личной безопасности* и для того правила совѣстнаго суда во всѣхъ случаяхъ долж-

¹⁾ См. С. И. Заруднаго: Веккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ. С.-П.-Б., 1879 г., стр. 27, 94, 95, 100 и 124.

ны быть: 1) *человѣколюбіе* вообще, 2) *почтеніе* къ особѣ ближняго, яко *человѣку*, 3) *отвращеніе* отъ угнетенія или притѣсненія *человѣчества*...“

Начало этой статьи (перенесенной въ ст. 723 т. XV кн. 2, изд. 1857 г.) опять буквально заимствовано изъ указаннаго параграфа малороссійскаго свода, гдѣ говорится, что въ третейскомъ судѣ „въ произвожденіи дѣлъ должно содержать *надлежащій правный порядокъ, по артикуламъ сего права, какъ и въ прочихъ судахъ*“, дальнѣйшее же содержаніе статьи составлено снова путемъ выборки отрывочныхъ и нисколько не относящихся къ данному предмету фразъ изъ сочиненія Беккаріи (*respective* наказа), гдѣ, какъ замѣчено уже мною выше, говорится о *личной безопасности*, какъ цѣли общежитія, о милосердіи и *человѣколюбіи*, какъ добродѣтелей монарховъ, что личная обида клонится къ отнятію у гражданина той справедливой части (мѣры) почтенія, которую онъ имѣетъ право требовать отъ другихъ“ (§ XXVIII ст. 233 наказа) и что нарушенія безопасности и свободы гражданъ, или, какъ выражается наказъ, *безопасности людей частныхъ*, суть весьма важныя, требующія самаго строгаго наказанія преступленія, къ коимъ, по выраженію наказа, относятся, „не только смертоубійства, учиненныя людьми изъ народа, но и того же рода *насилія*, содѣянныя особами какаго бы происшествія и достоинства они ни были“, и что „ни вельможи, ни богачи не имѣютъ права выкупать деньгами свои покушенія противъ слабыхъ и бѣдныхъ (Беккарія § XXVІІ, наказъ ст. 250 и 251 ¹)“.

Ст. 398.

„Совѣстный судъ ни въ какое дѣло самъ собою не вступается, но принимается за дѣло или по повелѣнію правленія или по сообщенію другаго мѣста, или по прошенію и челобитью“.

Вся эта статья (ст. 2456 т. II ч. 1 изд. 1857 г.)

¹) „Беккарія“ С. И. Заруднаго, стр. 110, 111 и 114.

представляется лишь парафразою выраженного въ упомянутомъ параграфѣ малороссійскаго свода положенія, по которому „дѣла въ немъ (т. е. третейскомъ судѣ) производить одни только расправочные, которые именно *по челобитию истцовъ и по усмотрѣнію и опредѣленію войсковой еeneralной канцеляріи порученни будутъ*“.

Ст. 399.

„Дѣла, касающіяся до таковыхъ преступниковъ, кои иногда болѣе по несчастливому какому ни на есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ впали въ прегрѣшенія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ ими содѣяннаго; *такъ же* преступленія, учиненныя *безумнымъ*, или *малолѣтнимъ*, и дѣла *колдуновъ*, или колдовства, поелику въ оныхъ заключается *глупость*, *обманъ* и невѣжество, надлежитъ отсылать въ совѣстный судъ, который одинъ право имѣетъ учинить о вышеписанномъ рѣшеніе“.

Первая часть этой статьи до слова „*также*“ (п. 6 ст. 694 т. XV ч. 2, изд. 1876 г.), составляющая почти буквальное повтореніе соотвѣтственнаго мѣста статьи 395 учрежденія о губерніяхъ, взята, какъ я уже объяснилъ, главнымъ образомъ изъ § XXII сочиненія Беккаріи (ст. 236 и 237 наказа), трактующей о *несостоятельныхъ должникахъ*, и взята отсюда, можно думать, потому собственно, что къ вѣдомству лорда-канцлера, въ силу статутной юрисдикціи, относятся, какъ мы видѣли, и дѣла о банкротахъ, почему сочинители нашего совѣстнаго суда и находили умѣстнымъ, при исчисленіи подлежащихъ сему суду предметовъ, прибавить и то, что говорится у Беккаріи по поводу должниковъ, впавшихъ въ несостоятельность лишь по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. Возникновеніе же второй части разсматриваемой статьи, по которой къ вѣдомству совѣстныхъ судовъ относятся дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ малолѣтними и безумными (ср. п.п. 1 и 2 ст. 694 т. XV ч. 2, изд. 1876 г), объясняется лишь тѣмъ, что въ кругъ дѣятельности лорда-канцлера входитъ, какъ сказано выше, попечительство надъ

лицами, не имѣющими *personam standiin iudicio*: малолѣтними, безумными, сумасшедшими и проч.

Что же касается отнесенія къ компетенціи совѣстнаго суда дѣлъ о *колдовствѣ* (ср. п. 4 ст. 694 т. XV ч. 2), то это, по моему, можетъ быть объяснено такимъ образомъ: малороссійскій сводъ (глава II, арт. 5, §§ 1 и 5), слѣдуя средневѣковымъ законодательствамъ, а особенно Каролинѣ (art. 109), постановляетъ, что кто посредствомъ колдовства наноситъ кому-либо вредъ и ущербъ, тотъ подлежитъ смертной казни чрезъ сожженіе, „если же би... въ судѣ по слѣдствію явилось, что отъ нѣкотораго *суевѣрія*, по *легкомыслію* своему, а не съ прямымъ намѣреніемъ, таковому чародѣйству и волшебству приличенъ, и токмо простихъ суевѣрныхъ людей будто и онъ что волшебное знаетъ, *обманивалъ*“, то онъ за это подвергается жестокому тѣлесному наказанію, либо тюремному заключенію, или же ссылке ¹⁾. Сочинители же учрежденія о совѣстномъ судѣ, сообразивъ, что въ Англии судъ справедливости вѣдаетъ дѣла о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные *обманомъ* (*fraud*) и недобросовѣстными сдѣлками, либо правонарушеніями, происшедшими вслѣдствіе случайности или *ошибки*, смѣшали малороссійское съ англійскимъ, а въ результатъ такого смѣшенія понятій и явились дѣла о колдунахъ или колдовства, съ страннымъ поясненіемъ: „поелику *въ оныхъ* заключается *глупость*, *обманъ* и *нелѣзство*“!

Ст. 400.

Эта статья учрежденія о губерніяхъ, вошедшая въ ст. 885 (п. 1), 886 (п. 1) и 889—894 т. X ч. 2, изд. 1876 г., очень обширна и потому я ее не приведу текстуально. Ограничусь только указаніемъ, что она заимствована вся изъ 25 артикула главы VII малороссійскаго свода, озаглавленнаго, „о полюбовномъ судѣ или примиріи“ и трактующаго о томъ: что мировыя сдѣлки могутъ быть заключаемы спорящими сторонами, *внѣ суда*, двоякимъ образомъ: 1) или при участіи

¹⁾ „Права по которымъ судятся малороссійскій народъ“, стр. 16—18.

избранных ими посредниковъ— „мирителей“, которые рѣшаютъ дѣла единственно *по внушенію своей совѣсти и по началамъ справедливости*, не стѣсняясь обрядами и законами, обязательными для компетентныхъ судебныхъ установленій („правнимъ поступкомъ и порядкомъ, какъ въ судахъ надлежащихъ дѣлается, производить не одолжаются“); 2) или же безъ участія посредниковъ, по собственному обоюдному соглашенію („черезъ обостороннее согласіе, когда сами спорные стороны, поговоря между собою, добровольно на чемъ примирятся“). Наша же 400 статья учрежденія о губерніяхъ, будучи такого же точно содержанія, совмѣщаетъ въ себѣ, однако, сверхъ того еще два добавленія, не встрѣчающіяся въ означенномъ артикулѣ малороссійскаго свода. А именно, говоря о томъ, что совѣстный судъ требуетъ отъ спорящихъ сторонъ или покончить дѣло обоюднымъ мировымъ соглашеніемъ, *или же*, если согласія не послѣдуетъ, „назначить съ каждой стороны по одному, или по два посредника, на мѣстѣ живущихъ“, — статья наша присовокупляетъ вслѣдъ затѣмъ между скобками: „(быть посредникомъ никто изъ живущихъ въ обществѣ отказать не долженъ)“. Это первое добавленіе. Второе же добавленіе изложено въ ст. 400 нѣсколько ниже и помѣщено также между скобками: „(мнѣніе же совѣстнаго суда основано быть долженствуетъ на слѣдующихъ правилахъ: 1) доставить обѣимъ сторонамъ законную, честную и безтяжебную жизнь; 2) злобы, распри и ссоры прекратить; 3) доставить каждому ему принадлежащее; 4) облегчить судебныя мѣста примиреніемъ спорящихся лицъ)“.

Можно бы подумать, конечно, что по крайней мѣрѣ эти добавленія не заимствованы ни откуда, а составляютъ произведеніе работы „собственного ума“, собственного юридическаго мышленія самихъ сочинителей узаконеній о совѣстномъ судѣ. Но оказывается, что и эти прибавки почерпнуты были изъ чужихъ источниковъ. Дѣло въ томъ, что п. 5 вышеозначеннаго 25 артик. малороссійскаго свода ¹⁾ говоря, что на рѣшеніе избранныхъ

¹⁾ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, стр. 134.

самими тяжущимися сторонами, на основаніи третейской записи, посредниковъ, апелляція ни въ какомъ случаѣ не допускается, поясняетъ эту мысль весьма основательно и разумно: „понеже ничего вѣрности человѣческой не есть пристойнѣе, яко сіе сохранять, что кто единожды приметъ за благо и на то соизволить“. Между тѣмъ, по недоразумѣнію ли, или по другимъ причинамъ, составители законоположеній о совѣстномъ судѣ эту же мысль выворотили наизнанку, примѣнивъ ее не къ обязанности тяжущихся подчиняться безапелляціонно рѣшенію избранныхъ ими, по доброй своей волѣ, посредниковъ, а къ обязанности каждаго „живущаго въ обществѣ“ *не отказываться* отъ званія посредниковъ, каковое положеніе ни съ чѣмъ несообразно и не принято ни однимъ закоподательствомъ, ибо ни „вѣрность человѣческая“, ни долгъ общежитія не возлагаютъ на частное лицо обязанности принимать на себя, подчасъ довольно хлопотливую и затруднительную роль посредника по чужимъ спорнымъ дѣламъ ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя законодательства даже прямо постановляютъ, что никто не обязанъ принимать на себя званіе посредника. Такъ напр., австрійскій законъ (Die allgemeine Gerichtsordnung, § 271), гласитъ: „Niemand est schuldig das Amt eines Schiedsrichters über sich zu nehmen; wer es aber angenommen hat, ist schuldig die Streitsache zu entscheiden“. Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства хранитъ по сему предмету полное молчаніе. За то прежніе наши „законы о судопр. и взмек. гражд.“ содержали въ себѣ весьма любопытную въ этомъ отношеніи статью (т. X ч. 2, изд. 1876 г., ст. 823). Контекстъ этой статьи составляетъ почти дословный переводъ только что приведеннаго параграфа австрійскаго устава: „Быть посредникомъ въ добровольномъ третейскомъ судѣ никто не принуждается; по призыву посредство и сдѣлавъ о томъ отзывъ въ судѣ при явкѣ записи, посредникъ не можетъ уже *отречься отъ суда*“. Окончаніе же нашей 823 ст.: „какъ развѣ: 1) за *тяжкой* болѣзнію; 2) за *перемьною мѣстопребыванія по службѣ*; 3) за доказанною необходимостью быть въ долговременной изъ города отлучкѣ“, по свойственному вообще нашему своду законовъ эклектизму, взято изъ разяснительнаго замѣчанія Рогрона къ ст. 1014 code de pr. civ. (code de pr. civ. expliqué par. I. A. Rogron, 9 édit, 1851, p. 2299; первое изданіе появилось въ 1826 г.), а именно: ст. 1014 code de pr. civ. постановляетъ, что „посредники не могутъ уклоняться отъ рѣшенія дѣла (se déporter) *послѣ начатія ими производства*“ (а не послѣ подачи отзыва въ судъ при явкѣ записи). Въ поясненіе этой статьи Рогронъ замѣчаетъ, что до начатія судопроизводственныхъ дѣйствій по-

Что же касается преподанныхъ въ руководство совѣстному суду вышеприведенныхъ четырехъ заповѣдей, вошедшихъ въ ст. 801 т. X ч. 2 (изд. 1876 г.), то происхождение ихъ можно себѣ объяснить такъ. Совѣстный судъ, по мысли его сочинителей, долженъ былъ изображать собою копию англійскаго суда справедливости. Явился вопросъ: что же такое справедливость? Отвѣтъ найденъ въ малороссійскомъ сводѣ, гдѣ въ п. 2 артикула 3 главы VII, подъ рубрикою: „право и справедливость что есть?“ сказано: „справедливость есть—отдавать всякому то, къ чему кто имѣетъ право“¹⁾). Но это опредѣленіе, взятое изъ извѣстнаго польскаго юридическаго руководства подъ заглавіемъ: „Porzadek sadow u spraw mieyskich“ и представляющееся сокращеннымъ переводомъ знаменитаго опредѣленія Ульпіана: „Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi“, помѣщеннаго въ началѣ 10 фрагмента 1 титула 1 книги дигестъ, показалось, должно быть, сочинителямъ нашего совѣстнаго суда слишкомъ краткимъ, а потому послѣдніе этимъ опредѣленіемъ не воспользовались и предпочли ему другое опредѣленіе Ульпіана, выраженное въ § 1 означеннаго же фрагмента дигестъ, касающееся основныхъ положеній права и приведенное также въ самомъ началѣ первой части книги „Porzadek“: „Juris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere suum cuique tribuere“²⁾).

Въ переводѣ же на русскій языкъ правило: „honeste vivere“ передано: *доставить* обѣимъ сторонамъ законную, честную и безмятежную жизнь; „alterum non laedere“—злобу, распри и ссоры прекратить, а „suum cuique tribuere“—доставить каж-

средникъ воленъ отказаться вовсе отъ посредничества, безъ указанія даже мотивъ отказа; когда же производство уже началось, то посредники могутъ *уклоняться отъ рѣшенія дѣла* (у насъ: отречься отъ суда) лишь въ случаѣ указанія уважительныхъ къ тому причинъ, какъ напр.: „une maladie,.... des fonctions publiques, qui ne leur permettent plus de s'occuper de l'arbitrage commencé“

¹⁾ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, стр. 81.

²⁾ Въ книгѣ Порядка, изд. 1760 г., стр. 2: „Scy nauki ta summa jest, aby kazdy poczwiwie zyl, bliźniego nie obrazal, kazdemu co jest jego dal“.

дому ему принадлежащее. Затѣмъ, къ этому Ульшанову трехчленному символу права, сочинители совѣстнаго суда уже прямо отъ себя прибавили и четвертый членъ: „облегчить судебныя мѣста примиреніемъ спорящихся лицъ“, каковая прибавка не придумана, однако, самими сочинителями, а взята опять-таки изъ начальнаго предложенія вышеприведеннаго артикула 24 главы VII малороссійскаго свода, въ коемъ выражено, что задача третейскаго суда заключается въ томъ, чтобы посредствомъ окончанія гражданскихъ (челобитческихъ) дѣлъ способомъ примирительнаго и сокращеннаго производства („миромъ и краткимъ произвожденіемъ“) служить облегченіемъ войсковому генеральному суду, обремененному „многимъ числомъ дѣлъ криминальныхъ и расправочныхъ“.

Ст. 401.

Содержаніе этой статьи, вошедшей цѣликомъ въ статьи 192—194 т. XV ч. II, изд. 1857 г., отмѣненныя, впрочемъ, по изданію 1876 г., слѣдующее: всякій заключенный въ тюрьму, которому въ теченіи трехъ дней не было сдѣлано допроса и не было объявлено за что онъ сидитъ въ тюрьмѣ, имѣетъ право принести на это жалобу въ совѣстный судъ. Права этого лишены только тѣ, которые содержатся въ тюрьмѣ по обвиненію въ оскорбленіи Величества, въ измѣнѣ, въ смертоубійствѣ, въ воровствѣ и разбоѣ ¹⁾. Совѣстный судъ, по полученіи такой жалобы, обязанъ, не выходя изъ присутствія, послать повелѣніе, чтобы содержащійся въ тюрьмѣ не по вышеисчисленнымъ преступленіямъ, былъ немедленно присланъ и представленъ въ совѣстный судъ, съ изложеніемъ причинъ, по которымъ онъ содержится и не допрошенъ. Такое повелѣніе должно быть исполнено тотчасъ, а если оно въ теченіи сутокъ и въ поверстный срокъ, полагая 25 верстъ въ день, не будетъ исполнено, то взы-

¹⁾ Въ ст. 192 т. XV кн. 2, изд. 1857 г. прибавлены еще преступленія: зажитательство, грабежъ и, сверхъ воровства—кражи, воровство—мошенничество.

скивается штрафъ въ суммѣ 300 рублей съ предсѣдателя и по 100 рублей—съ засѣдателей. Совѣстный судъ, по представленіи къ нему содержащагося, если усмотритъ, что онъ содержится не по обвиненію въ вышеупомянутыхъ преступленіяхъ, дѣлаетъ, не выходя изъ присутствія, постановленіе объ освобожденіи его на поруки, для обезпеченія какъ явки въ тотъ судъ, который онъ самъ изберетъ, такъ и его *поведенія*. Если проситель не представитъ порукъ, то совѣстный судъ возвращаетъ его въ тюрьму. Освобожденнаго такимъ образомъ изъ тюрьмы никто не имѣетъ права, по тому же дѣлу, въ другой разъ лишать свободы, до окончанія дѣла.

Уже покойный проф. А. Θ. Кистяковскій, приводя этотъ законъ, замѣтилъ, что онъ оказывается, хотя и слабымъ, снимкомъ съ стародавняго учрежденія англійской конституціи: предоставляющаго каждому арестованному, безъ различія преступленій, за которыя онъ подвергся аресту, право приносить жалобу на незаконный или неумѣстный арестъ королевскому суду, который издаетъ повелѣніе о немедленной къ нему присылкѣ обвиняемаго и его дѣла, причемъ арестовавшій судья, подъ угрозой штрафа, обязанъ немедленно исполнить такое повелѣніе, а разъ освобожденный королевскимъ судомъ уже не можетъ быть, по тому же обвиненію, вторично заключенъ въ тюрьму, до рѣшенія дѣла ¹⁾).

Съ своей же стороны я позволяю себѣ, въ дополненіе къ этому замѣчанію, указать, въ чемъ заключается несходство русской копіи съ англійскимъ оригиналомъ и почему оно произошло. Отступленіе разсматриваемаго русскаго закона отъ его англійскаго образца состоитъ, какъ легко замѣтить, въ томъ, что въ Англии, въ силу акта Habeas Corpus, арестованный вправѣ приносить жалобу на незаконность ареста, **бѣзъ** различія преступленія, въ совершеніи котораго онъ подозрѣвается, тогда какъ наше учрежденіе о губерніяхъ не даетъ такого права обвиняемымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, каковы суть: оскорбленіе Величества, измѣна и проч.

¹⁾ Смори А. Θ. Кистяковскаго: „О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“. С.-П.Б., 1868 г., стр. 74.

Объясняется же это различіе, какъ я думаю, слѣдующимъ образомъ.

По англійскому уголовному судопроизводству, дѣленіе уголовно-наказуемыхъ дѣяній, смотря по важности ихъ и строгости опредѣляемыхъ за оныя наказаній, на treason, felony и misdemeanor имѣеть, какъ извѣстно, капитальное значеніе относительно права *полицейскаго* (предупредительнаго) ареста: подозрѣваемый въ совершеніи фелоніи можетъ быть заарестованъ констеблемъ и даже всякимъ частнымъ лицомъ безъ надлежащаго письменнаго приказанія (warrant'a) тѣхъ судей и должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, которымъ предоставлено издавать такія приказанія; когда же, напротивъ, дѣло идетъ о совершеніи одного изъ противозаконныхъ дѣяній, принадлежащихъ къ разряду misdemeanors, то подозрѣваемый въ ономъ не можетъ быть заарестованъ безъ вараанта, исключая развѣ наличности flagrant délit. Далѣе, въ Англии, въ видахъ общественнаго спокойствія и безопасности, мировымъ судьямъ издавна предоставлено право требовать отъ осужденныхъ, отбывшихъ свое наказаніе и, вообще, отъ подозрительныхъ личностей, даже не подвергшихся еще осужденію, залога въ *обезпеченіе хорошаго поведенія* (surety for the good behaviour), или въ обезпеченіе того, что они не нарушатъ мира (surety of the peace), а въ случаѣ неисполненія сего требованія—подвергать ихъ аресту, впредь до представленія залога ¹⁾).

Между тѣмъ, составители нашей ст. 401 учрежденія о губерніяхъ, по своему обыкновенію, сочетали вмѣстѣ начала, относящіяся къ различнымъ кругамъ идей: принципы, выраженные въ англійскомъ Habeas Corpus актѣ и направленные къ огражденію неприкосновенности *личной свободы гражданъ*, съ началами, которыя легли въ основу мѣръ, принимаемыхъ для огражденія *общественнаго мира* и общественной правственности. Отсюда произошло, что къ постановленію о томъ,

¹⁾ Смотри проф. И. Тарасова: „Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности“. Кіевъ, 1875 г., стр. 97—100 и 135.

что совѣстный судъ, по жалобѣ неправильно арестованнаго, вправѣ послать повелѣніе о представленіи какъ его, такъ и его дѣла въ этотъ судъ, пристегнута оговорка: „буде (арестованный) содержится не въ оскорбленіи особы Императорскаго Величества, не по измѣнѣ, не по смертоубійству, не по воровству, или разбою“, — оговорка, которая умѣстна лишь когда рѣчь идетъ о правѣ подвергать предварительному аресту безъ надлежащаго письменнаго приказанія, ибо только въ *этомъ* отношеніи различается подозрѣніе въ совершеніи болѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній (treason и felony) отъ подозрѣнія въ содѣяніи менѣе важнаго преступления либо проступка (misdemeanor). Въ самомъ же перечисленіи преступныхъ дѣяній, признаваемыхъ за болѣе тяжкія, наша статья, очевидно, слѣдуетъ сочиненію Беккаріи (госп. наказу), гдѣ въ § XXVI (наказъ ст. 229), говорится, что самыя вредныя и, потому, самыя тяжкія изъ всѣхъ преступленій, суть преступленія противъ верховной власти или, по выраженію наказа, „*преступленія въ оскорбленіи Величества*“, а въ слѣдующемъ § XXVII (наказа ст. 250 и 251) сказано, какъ уже было замѣчено прежде, что „за вышепоименованными преступленіями идутъ покушенія на безопасность и свободу гражданъ, въ коимъ относятся *убійства, кража и всякаго рода насилія* ¹⁾). Точно также и правило о томъ, что совѣстный судъ, убѣдившись, что арестованный содержится въ тюрьмѣ не по обвиненію въ вышеуказанныхъ тяжкихъ преступленіяхъ, даетъ приказаніе объ освобожденіи его *на поруки о его поведеніи* — примѣшано сюда совершенно некстати, единственно изъ подражанія приведенному положенію англійскаго законодательства, по которому мировой судья вправѣ требовать отъ всякаго подозрительнаго лица залогъ „*хорошаго поведенія*“.

Ст. 402.

„Буде кто, недоволенъ рѣшеніемъ совѣстнаго суда, тотъ имѣетъ жалобу приносить въ вышній совѣстный судъ“.

¹⁾ С. И. Заруднаго: „Беккарія“, стр. 109, 110 и 111.

ж. гр. и уг. пр. кн. III 1893 г.

Эта статья представляет снова смѣсь глуховскаго съ англійскимъ. По своему контексту она оказывается копіею съ пункта 2 цитированнаго выше артикула 24 главы VII малорос. свода, гласящаго: „А которая-бъ сторона декретомъ, или приговоромъ такова третейскаго суда не была доволна, тая свободна апеліовать въ судъ войсковый енералній“¹⁾). Установляя же порядокъ обжалованія рѣшеній совѣстнаго суда особому „вышнему совѣстному суду“, статья наша, очевидно, слѣдовала порядку, существующему въ Англійи, гдѣ первую инстанцію для разрѣшенія дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда справедливости, составляетъ герольдмейстеръ, или одинъ изъ вице-канцлеровъ, а апелляціонную инстанцію — лордъ-канцлеръ и апелляціонный судъ справедливости²⁾). Но на дѣлѣ у насъ „вышній совѣстный судъ“ вовсе не былъ учрежденъ, а жалобы апелляціонныя на рѣшенія и приговоры совѣстныхъ судовъ приносились, какъ и въ общемъ порядкѣ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, въ подлежащіе департаменты правительствующаго сената, который, впрочемъ, разсматривалъ жалобы на приговоры совѣстнаго суда по дѣламъ уголовнымъ въ качествѣ „верховнаго совѣстнаго суда“³⁾).

Я кончилъ постатейный разборъ всей 25 главы учрежденія о губерніяхъ⁴⁾). Бросая общій взглядъ на содержащаяся въ ней постановленія, нельзя не замѣтить сразу крайней невыдержанности и противорѣчивости началъ, на коихъ основанъ былъ у насъ совѣстный судъ. Такъ, суду этому, подобно малороссійскому третейскому суду, предписано было вершать дѣла по законамъ, „какъ и прочіе суды“, но въ то же время, будучи отчасти снимкомъ съ англійскихъ courts of equity, онъ

¹⁾ „Права, по которымъ судится малорос. народъ“, стр. 132.

²⁾ См. *Маркова*, вышеуказанное сочиненіе, стр. 34.

³⁾ Законы о судопр. и възск. гражд. (изд. 1876 г.), ст. 895, н. 3; законы о судопр. по дѣламъ о преступ. и проступ. (изд. 1876 г.), ст. 715.

⁴⁾ Послѣднія, 403 ст., этой главы не даетъ повода ни къ какимъ замѣчаніямъ: въ ней говорится только, что совѣстный судъ всякій разъ собирается въ сроки, положенные для прочихъ судебныхъ мѣстъ, и когда дѣло есть.

долженъ былъ рѣшать дѣла не по строгости формальнаго права, а по требованіямъ совѣсти или справедливости, по началамъ *aequitatis, aequi et boni*. Далѣе, юрисдикція и малороссійскаго третейскаго суда и англійскаго суда справедливости обнимаютъ исключительно гражданскія дѣла, а между тѣмъ кругъ дѣйствій нашего совѣстнаго суда, хотя послѣдній и созданъ былъ по образу и подобию обоихъ названныхъ судовъ, относился, какъ замѣчено уже было въ шестидесятыхъ годахъ „гражданскимъ отдѣленіемъ комисіи для составленія проекта судебныхъ уставовъ“, болѣе къ дѣламъ уголовнымъ, нежели къ гражданскимъ, въ чемъ можно удостовѣриться, сопоставивъ ст. 885 т. X ч. 2 съ ст. 694 т. XV ч. 2 (изд. 1876 г.). Несмотря, однако, на эти и другія несообразности разсмотрѣнной главы учрежденія о губерніяхъ, явившіяся неминуемымъ послѣдствіемъ переводно - компилятивнаго ея характера, она на первыхъ порахъ вызвала восторженное одобреніе и гиперболическія похвалы въ русскомъ обществѣ, о чемъ можно судить хотя бы изъ всеподданнѣйшаго доклада совѣстнаго суда по дѣлу дворянина Никиты Демидова съ женою его Софіею о взаимныхъ между ними несогласіяхъ и о возвращеніи первому имѣнія, укрѣпленнаго имъ за послѣднею, по причинѣ ея къ нему неблагодарности (полн. собр. зак. 1779 г. іюня 1, № 14886).

„Вашему Императорскому Величеству, говорится въ этомъ докладѣ, благоугодно было Высочайшимъ своимъ указомъ повелѣть намъ, нижеподписавшимся, въ дѣлѣ Никиты Демидова съ женою его, разбирать и поступать на точномъ основаніи 26 главы изданныхъ отъ Вашего Величества въ 7 день ноября 1775 г. учрежденій, и, окончивъ оное, взнести къ Высочайшему Вашему разсмотрѣнію.

„Слѣдую сей главы не только челоуѣколюбивому, но паче божественному предписанію, входили мы во всѣ подробныя обстоятельства житія и поступковъ въ супружественномъ сихъ мужа и жены сожитіи, дабы извлечь изъ того къ основанію разсужденій нашихъ и, слѣдственно, къ окончанію дѣла, тѣ святыя правила, которыя въ 400 § оной главы предположе-

ны суть, именно: „1) доставить обѣимъ сторонамъ законную, честную и безтяжебную жизнь, 2) злобы, распри и ссоры прекратить и 3) доставить каждому ему принадлежащее“ (эпитеты: „божественныя“, „святыя“ повторены въ этомъ докладѣ нѣсколько разъ).

При такомъ апотеозѣ русскаго переложенія Ульпиановыхъ предписаній права и справедливости, положенныхъ въ основу совѣстнаго суда, неудивительно, что правила эти, совершенно, впрочемъ, механически, воспроизведены были и въ нѣкоторыхъ другихъ законодательныхъ актахъ, изданныхъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II вслѣдъ за обнаруженіемъ учрежденія о губерніяхъ.

Такъ, въ ст. 165 *устава благочинія* (полн. собр. зак. 1782 г., апрѣля 8 дня, № 15379) читаемъ: „*словеснаго суда* должность есть примирить тѣхъ спорящихся, кои словесно просятъ о примиреніи, въ чемъ наблюдать имѣетъ слѣдующія правила“ (слѣдуютъ тѣ же самыя правила, которыя установлены были первоначально для совѣстнаго суда и оттуда вошли въ 801 ст. т. X ч. 2, изд. 1876 г., съ тою только разницею, что здѣсь недостаетъ четвертаго пункта оныхъ: „облегчить судебныя мѣста примиреніемъ спорящихся лицъ“¹⁾).

Эти же правила встрѣчаются и въ изданномъ въ 1787 г. *манифестѣ о поединкахъ* (полн. собр. зак. 1787 г., апрѣля 21 дня, № 16535): „посреднику и надежнымъ“, гласитъ статья 27 названнаго манифеста, „въ примиреніи ссоры предписывается наблюденіе слѣдующихъ правилъ (слѣдуютъ опять пресловутыя правила, съ тѣмъ измѣненіемъ, что и здѣсь точно также недостаетъ вовсе четвертаго ихъ пункта, но за то въ первомъ пунктѣ присовокуплено одно лишнее слово, а именно: въ предложеніи: „доставить обѣимъ сторонамъ законную, честную и безтяжебную жизнь“, соотвѣтствующемъ правилу „*honeste vivere*“, прибавлено еще одно прилагательное: „*безопасную*“).

¹⁾ Ст. 165 устава благочинія послужила основаніемъ ст. 899 т. X ч. 2 изд. 1876 г.

Но за то въ ближайшія царствованія, въ законодательныхъ сферахъ, повидимому, совершенно охладѣли къ полуказацкому, полуанглійскому судебному учрежденію, столь нежданно-негаданно перенесенному на русскую почву въ екатериненскую эпоху.

Такъ, въ 1803 г. Державинъ, бывшій въ то время министромъ юстиціи, составилъ было пространный проектъ, состоявшій изъ 103 параграфовъ, въ которомъ предлагалось соединить совѣстные суды съ третейскими, подъ названіемъ *третейскихъ совѣстныхъ судовъ*, и сдѣлать ихъ обязательными по всѣмъ спорнымъ дѣламъ.

Сущность проектированнаго судебного установленія выражена была преимущественно въ слѣдующемъ, весьма обширномъ параграфѣ, изъ котораго я, для краткости, приведу только первые три пункта.

§ 102. Главнѣйшія правила третейскаго совѣстнаго суда почерпаются изъ священнаго писанія и естественнаго правоченія.

Напримѣръ:

а) „Аще хотите, да творятъ вамъ человеѣцы, и вы творите имъ такожде“.

„Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ“.

„Судай ближняго, себя да судить“.

„Чего себѣ не хочешь, другому не желай, и прочая“.

б) „А для того обязанность сего суда состоитъ въ *учрежденіи о управленіи губерній главы XXVI статья 397*, и зеркало его въ наказѣ управѣ благочинія *статья 41* ¹⁾“.

¹⁾ Означенная статья содержитъ въ себѣ „зерцало управѣ благочинія въ разсужденіи обязанности взаимной гражданъ между собою“ и распадается на три отдѣленія, надписанныя: первое—„правила добронравія“, второе—„правила обязанностей общественныхъ“ и третье—„качества опредѣленнаго къ благочинію начальства и правила его должности“.

Весьма характерно одно изъ помѣщенныхъ въ этой статьѣ правилъ,—шестое по порядку. Изъ трехъ различныхъ библейскихъ текстовъ 1) „кто мило-сердъ, тотъ блаженъ“ (Притч. 14, 21; 2) „праведный печется и о жизни скота своего“ (ibid. 12, 10), и 3) „если увидишь осла врага твое-

б) „Изъ сего слѣдуетъ, что третейскій совѣстный судъ, во властныхъ своихъ опредѣленіяхъ, рѣшить дѣла *по точнымъ словамъ и разуму законовъ*, а въ мирныхъ положеніяхъ, *внимая гласу совѣсти и состраданія*, снисходить въ удовлетвореніе праваго по обстоятельствамъ и возможности обвиняемаго“.

Но этотъ *оригинальный* проектъ, представленный при всеподданнѣйшемъ докладѣ Императору Александру I, не удостоился Высочайшей санкціи и оставленъ былъ безъ всякихъ послѣдствій.

Затѣмъ, около четверти вѣка спустя, въ законодательныхъ кругахъ снова вспомнили о совѣстныхъ судахъ. На сей разъ о послѣднихъ заговорилъ самъ строитель нашего свода законовъ — гр. Сперанскій. Въ проектъ, представленномъ въ «комитетъ 6 декабря 1826 года», учрежденный Императоромъ Николаемъ I для разсмотрѣнія переданныхъ изъ кабинета Императора Александра I бумагъ, касающихся преобразованія губернской администраціи и судебной части, графъ Сперанскій, въ числѣ другихъ реформъ судоустройства и судопроизводства, предлагалъ: „*дать болѣе силы и пространства суду совѣстному*“. Но и этотъ проектъ, хотя онъ черезъ нѣкоторое время и одобренъ былъ окончательно «комитетомъ», не былъ однако осуществленъ, потому что возникло сомнѣніе, найдутся ли для предполагаемой реформы способные люди и достаточныя денежныя средства, а главнымъ образомъ — по той причинѣ, что онъ, несмотря на всю его скромность и осторожность, не избѣгнулъ нападокъ, особенно со стороны тогдашняго министра финансовъ графа Канкринна, который почему-то усмотрѣлъ въ проектѣ „*перевѣсъ демократическаго элемента*“ (?) и находилъ, что вообще слѣдуетъ: „1) не перемѣнять, елико

го упавшимъ подъ ношею своею, то не оставляй его, развьючь вмѣстѣ съ нимъ“ (Исходъ, 23, 5), — авторы „Зеркала“ сочинили въ руководство управы благочинія цѣлое правило, гласящее: „*Блаженъ кто и скотъ милуетъ*, буде скотина и людья твоего спотыкнется, подними се“. Это ли не образчикъ самобытнаго произведенія законодательнаго творчества прошлаго времени?

возможно, форму государственныхъ установлений, ибо недостатки существующаго извѣстны, новаго же—скрыты; 2) по исправлять существующее, *привязывая поправленія къ прежнимъ наименованіямъ*, а неистреблять ничего историческаго“¹⁾.

Послѣ неудачи, постигшей проектъ Сперанскаго, рѣшено было, какъ видно, и совѣтмъ покончить съ совѣстными судами, что и исполнено было на самомъ дѣлѣ. Такъ, въ 1847 году совѣстный судъ упраздненъ былъ въ губерніи Архангельской, въ 1848 г.—въ Олонецкой, въ 1852 г. упразднены совѣстные суды въ 18 губерніяхъ, а въ 1857 г.—еще въ 21 губерніи, съ тѣмъ, однако, что сохранено было въ сихъ губерніяхъ званіе совѣстныхъ судей, которые обязаны были въ дѣлахъ о мировомъ разборѣ дѣйствовать по особымъ правиламъ, и, наконецъ, въ 1861 г. закрыты были послѣдніе, оставшіеся еще совѣстные суды въ губерніяхъ С.-Петербургской и Московской²⁾.

Кому же, однако, послѣ упраздненія совѣстныхъ судовъ, достался пожалованный имъ Императрицею Екатериною II основной капиталъ, заключавшійся въ драгоценныхъ правилахъ совѣсти и справедливости? По словамъ покойнаго сенатора С. И. Заруднаго, во время составленія судебныхъ уставовъ предполагали, что это богатое наслѣдіе завѣщано будетъ ближайшему сроднику и преемнику совѣстнаго суда—*мировому суду*, которому и будетъ предоставлено рѣшать дѣла не по закону, а по совѣсти, въ виду того, что такой способъ рѣшенія дѣлъ ближе всего подходитъ къ системѣ англійскихъ courts of equity³⁾.

Посмотримъ же, осуществилось ли на дѣлѣ это предположеніе. Останавливаясь лишь на уставѣ гражданскаго судопроизводства (по первоначальному его изданію), мы въ первой книгѣ—мировомъ уставѣ—встрѣчаемъ, дѣйстви-

¹⁾ См. М. Д. Филитова, Судебная реформа въ Россіи, I, стр. 612.

²⁾ См. соображенія гражданскаго отдѣленія комисіи объ особыхъ родахъ гражданскаго судопроизводства, вошедшихъ во 2 ч. т. X, стр. 21 и слѣд.

³⁾ См. Журн. мн. юст. за 1862 г. декабрь, стр. 500.

тельно, двѣ статьи, въ которыхъ упоминается о рѣшеніи дѣлъ по совѣсти. Одна изъ этихъ статей, самая основная— это ст. 129, гласящая: „мировой судья, по выслушаніи сторонъ, принимаетъ въ соображеніе всѣ приведенныя по дѣлу обстоятельства и, опредѣляя, *по убѣжденію совѣсти*, значеніе и силу доказательствъ, постановляетъ рѣшеніе, которое *не должно противорѣчить закону*“. Съ внѣшней стороны статья эта, пожалуй, и является какъ будто воспроизведеніемъ знакомой уже намъ ст. 397 учрежд. о губ., съ тою лишь разницею, что послѣдняя начинается тѣмъ, что совѣстный судъ долженъ рѣшать дѣла по законамъ, какъ и прочіе суды, а окончивается выраженіемъ той мысли, что, однакожь, совѣстному суду „въѣряется *совѣстный разборъ* и осторожное и милосердное окончаніе дѣлъ“, тогда какъ въ ст. 129 устава обѣ эти главныя части предложенія расположены въ обратномъ порядкѣ.

Но можно ли сказать, что, въ силу этой послѣдней статьи, мировой судъ, по направленію и характеру своей дѣятельности, имѣетъ на самомъ дѣлѣ что нибудь общее съ совѣстнымъ судомъ; что мировые судьи, если и не вправѣ самое существо своихъ рѣшеній основывать единственно на началахъ совѣсти, а обязаны руководствоваться строго буквою закона, не отступая отъ нея ни на одну іоту, какъ бы законныя нормы ни казались подчасъ идущими въ разрѣзъ съ требованіями справедливости, то за то они, мировые судьи, въ отличіе отъ общихъ судебныхъ мѣстъ, пользуются, по крайней мѣрѣ, тѣмъ преимуществомъ, что могутъ, по внушенію или убѣжденію совѣсти, оцѣнивать свободно значеніе представленныхъ тяжущимися доказательствъ и вообще коп- статировать фактическую сторону дѣла?

Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ намъ практика кассационнаго сената. Въ одномъ изъ самихъ раннихъ сенатскихъ рѣшеній (1866 г. № 68), послѣдовавшемъ въ то время, когда наша судебная реформа еще праздновала, такъ сказать, свой медовый мѣсяцъ, обсужденію подлежало слѣдующее, весьма несложное, по своей фактической обста-

новкѣ, дѣло. Иностранка Анна Швейцеръ, предъявивъ въ мировыхъ учрежденіяхъ искъ о возвратѣ денегъ, образовъ и вещей, отданныхъ ею мѣщанину Антонову на сохраненіе, въ доказательство своего иска не представила письменнаго акта, а ссыалась на *свидѣтелей*. Мировой сѣздъ, убѣдившись, посредствомъ допроса свидѣтелей, что отвѣтчикъ „несомнѣнно“ получилъ отъ истицы деньги и нѣкоторыя вещи, удовлетворилъ отчасти исковыя требованія. Казалось бы инаго рѣшенія и быть не могло. Вѣдь мировой сѣздъ даже не по безотчетному только внутреннему своему убѣжденію, а основываясь на объективныхъ данныхъ, на формальномъ доказательствѣ—свидѣтельскихъ показаніяхъ, удостовѣрился, что отвѣтчикъ *несомнѣнно* получилъ отъ истицы имущество на сохраненіе. А если получилъ, то далеко не нужно быть присяжнымъ юристомъ, чтобы признать, что отвѣтчикъ, по справедливости, обязанъ возвратить взятое имущество. А между тѣмъ правительствующій сенатъ рѣшеніе сѣзда отмѣнилъ по нарушенію ст. 2111—2113 т. X ч. 1 и 409 ст. уст. гражд. суд., причемъ высказалъ слѣдующее: „судебныя доказательства составляютъ предустановленные закономъ способы для тяжущихся къ подтвержденію или къ оспариванію предъявленныхъ на судѣ требованій, а для судей—къ убѣжденію въ истинѣ, дабы *путемъ ея* придти къ правильному, основанному на законѣ, рѣшенію. *Ясно (?)*, что правила, преподанныя уставомъ гражданскаго судопроизводства для достиженія въ судахъ для всѣхъ равной справедливости, *должны быть одинаковы въ отношеніи дѣлъ, производящихся какъ въ мировыхъ установленіяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ*. Если законъ предоставляетъ судьямъ опреѣлять и оцѣнивать силу представленныхъ тяжущимися доказательствъ *по убѣжденію ихъ совѣсти*, то изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы они освобождены были отъ обязанности руководствоваться *законами*“....

Столь же категорически высказался по сему предмету правительствующій сенатъ и въ сравнительно болѣе позднемъ своемъ рѣшеніи 1868 г. № 778 по дѣлу Аникина съ Сте-

пановымъ. Мировой сѣздъ, въ силу ст. 129 уст. гражд. суд., опредѣляя, *по убѣжденію совѣсти*, значеніе представленнаго Аникинымъ обязательства, призналъ этотъ документъ не сохраняною роспискою, а долговою. Но, по жалобѣ Аникина, сенатъ счелъ нужнымъ вновь подтвердить разъясненіе точнаго смысла означенной статьи устава. „Въ законахъ гражданскихъ, говоритъ сенатъ, установлены правила, соблюденіе или несоблюденіе которыхъ придаетъ акту то или другое достоинство, дѣлаетъ его дѣйствительнымъ или недѣйствительнымъ, опредѣляетъ его значеніе въ ряду допускаемыхъ закономъ юридическихъ сдѣлокъ и доказательствъ. *Слѣдовательно* (?), для того, чтобы опредѣлить правильность требованія, основаннаго на какомъ либо актѣ, мировой судья и мировой сѣздъ обязаны руководствоваться постановленными именно для сего рода актовъ въ гражданскихъ законахъ правилами, и на основаніи оныхъ разсмотрѣть, удовлетворяетъ ли этотъ актъ требованіямъ закона и извѣстнымъ, для такого рода сдѣлокъ опредѣленнымъ, условіямъ“. „Въ данномъ же случаѣ, продолжаетъ сенатъ, мировой сѣздъ, не обсудивъ правильности толкованія мировымъ судьей и примѣненія къ дѣлу законовъ о сохраняемыхъ роспискахъ, *ограничился опредѣленіемъ значенія документа единственно по убѣжденію совѣсти и, слѣдовательно*, нарушалъ какъ точный смыслъ ст. 129 уст., такъ и разъясненіе этого закона кассационнымъ департаментомъ“.

Думаю, что приведенныя двѣ выписки изъ сенатскихъ рѣшеній достаточно подтверждаютъ, что употребленная въ ст. 129 фразы: „мировой судья опредѣляетъ силу доказательствъ *по убѣжденію совѣсти*“ (подчеркнутыя слова замѣнены въ ст. 88 правилъ 29 декабря 1889 г. о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ, словами *по внутреннему убѣжденію*) представляется, въ сущности, только благозвучною фразою, лишенною реальнаго значенія, ибо въ дѣйствительности совѣсть мирового судьи при оцѣнкѣ достовѣрности представленныхъ сторонами доказательствъ связана и стѣснена, по толкованію сената, за-

ранѣе предустановленными формальными условіями и требованіями и что если, правда, мировымъ судьямъ и по закону, и по сенатскимъ разясненіямъ, предоставлено опредѣлять силу свидѣтельскихъ показаній по своему свободному усмотрѣнію, то, во первыхъ, въ этомъ отношеніи мировой судъ ничѣмъ не отличается отъ общихъ судовъ, пользующихся по этому, но только по этому, предмету одинаковою свободою, и во вторыхъ, мировой судъ, наравнѣ съ общими судами, ограниченъ, въ силу ст. 409 устава, въ самомъ правѣ прибѣгать, во всѣхъ безъ различія случаяхъ, къ способу доказательства чрезъ свидѣтелей.

Обратимся же теперь къ другой статьѣ мирового устава, благодаря которой мировой судъ по преимуществу и приобрѣлъ славу „новаго суда по совѣсти“, къ ст. 30 уст. гражд. судопр.

Пресловутая статья эта нынѣ уже отошла въ область исторіи, стала *ex*; тѣмъ не менѣе она и въ настоящее время не утратила вполнѣ всякій интересъ, въ виду того, что она не исчезла совсѣмъ изъ судебныхъ уставовъ, а лишь преобразилась въ примѣчаніе къ ст. 1367 уст. гражд. судопр. по продолж. 1890 г. Да независимо отъ этого, и самая исторія возникновенія этой статьи и примѣненія ея на практикѣ весьма поучительна, представляя наглядный примѣръ того безвыходнаго положенія, въ которое поставлены бывають судебныя мѣста, когда имъ приходится толковать и прилагать къ дѣлу статью закона, неудачно редактированную, особенно если, вдобавокъ, она и неудачно заимствована изъ иностраннаго кодекса или юридическаго учебника.

Такъ, что касается историческаго происхожденія бывшей 30 статьи, то уже г. Бенкендорфъ ¹⁾ указалъ на то, что она составлена „подъ вліяніемъ“ ст. 7 Code de procédure civile, гласящей въ русскомъ переводѣ: „стороны могутъ во всякомъ случаѣ добровольно явиться къ мировому судѣ и тогда

¹⁾ См. его статью въ Журн. гражд. и угол. права за 1872 г., кн. 6, подъ заглавіемъ: „Новый судъ по совѣсти“.

онъ рѣшаетъ ихъ споръ или въ послѣдней инстанціи, если онъ къ тому законами или сторонами уполномоченъ, или же въ первой инстанціи, хотя бы онъ и не былъ надлежащимъ судьей сторонъ ни по мѣсту жительства отвѣтчика, ни по мѣсту нахождения спорнаго предмета и проч.“. Но съ своей стороны я полагаю, что наша ст. 30 основана была не столько на упомянутой статьѣ французскаго устава, сколько на разъясненіи послѣдней, содержащемся въ знаменитыхъ „лекціяхъ“ *Боатара*, которыя несомнѣнно были въ виду составителей нашихъ судебныхъ уставовъ.

А именно: комментируя статью 7 *code de proc.*, Боатаръ, между прочимъ, задаетъ вопросъ: можетъ ли мировой судья, въ силу означенной статьи, принимать къ своему разбору всякіе иски, хотя бы и превышающіе мировую подсудность по самому свойству и роду своему—*ratione materiae*, или же только иски, выходящіе изъ предѣловъ вѣдомства мирового судьи—*ratione personae*, т. е. по мѣсту жительства отвѣтчика, или по нахожденію спорнаго имущества (въ дѣлахъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія)? Этотъ вопросъ Боатаръ разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что мировой судья, при обоюдномъ согласіи сторонъ, можетъ принимать къ своему разбирательству только иски послѣдней категоріи; что же относится до исковъ, превышающихъ его компетенцію по самому роду своему, то такихъ исковъ судья ни подъ какимъ видомъ, не взирая на согласіе сторонъ, разбирать не вправе, ибо правила подсудности, *ratione materiae*, какъ относящіяся къ сферѣ публичнаго права и установленныя въ интересѣ общественномъ, никоимъ образомъ не могутъ быть измѣнены частнымъ соглашеніемъ сторонъ. Конечно, присовокупляетъ Боатаръ, и такого рода иски, при взаимномъ согласіи тяжущихся, могутъ подлежать разбору мирового судьи, но въ этомъ случаѣ послѣдній рѣшаетъ дѣло уже не въ качествѣ судьи, а единственно въ качествѣ обыкновеннаго посредника, арбитра, по установленнымъ въ ст. 1003, 1004 и послѣдующихъ *code de proc.* правиламъ для третейскихъ судовъ. Различіе же между обоими этими видами рѣ-

шенія заключается въ томъ, что для разбора въ качествѣ третейскаго суда требуется положительное согласіе мирового судьи, сообразно съ общимъ правиломъ, по которому никто, помимо своего желанія, не обязанъ быть третейскимъ судьей и, кромѣ того, рѣшеніе, постановленное мировымъ судьей на правѣ третейскомъ, не имѣетъ само по себѣ, наравнѣ съ третейскими рѣшеніями вообще, никакой исполнительной силы, а становится подлежащимъ исполненію лишь на основаніи приказа объ исполненіи (*ordonnance d'exequatur*), выдаваемого предсѣдателемъ гражданскаго трибунала (окружнаго суда).

Эти свои замѣчанія Боатаръ заканчиваетъ слѣдующими словами: „И такъ, оставимъ въ сторонѣ случай, чуждый ст. 7, когда *разрѣшеніе иска о правѣ собственности на недвижимое имущество* предоставляется мировому судѣ не какъ судѣ, а какъ *третейскому посреднику*, и скажемъ, что ст. 7 дозволяетъ измѣнить только тѣ правила подсудности, которыя установлены по основаніямъ личной подсудности— *ratione personae* ¹).

Вслѣдъ затѣмъ Боатаръ поставилъ себѣ еще одинъ вопросъ: считаются ли иски, которые *по цѣнѣ* своей превышаютъ опредѣленную закономъ компетенцію мировыхъ судей, неподлежащими вѣдомству послѣднихъ по основаніямъ матеріальной, или же только личной подсудности? По этому вопросу Боатаръ находитъ, что иски на сумму свыше 200 франковъ (максимальной нормы мировой подсудности по искамъ чисто личнымъ и о движимомъ имуществѣ) должны быть признаваемы неподсудными мировымъ судьямъ *по матеріальному основанію*, вслѣдствіе чего они и не подходятъ подъ дѣйствіе ст. 7 *code de proc.* Впрочемъ, высказывая это мнѣніе, Боатаръ оговаривается, что оно расходится со взглядомъ доктрины и судебной практики ²).

¹) Boitard, *Leçons de proc. civile*, treizième édition, Paris, 1879 г. I, p. 600—601: Первымъ изданіемъ „лекціи“ появились въ 30-хъ годахъ.

²) *Ibid*, p. 602—603.

Эти-то разсужденія Боатара и послужили первоначально источникомъ статей 3 и 4 *проекта* нашего устава гражданскаго судопроизводства, гласившихъ такъ:

Ст. 3. „По взаимному согласію истца и отвѣтчика, вѣдомству мирового судьи могутъ подлежать, на основаніи *установленныхъ въ сей книгѣ правилъ*, всѣ иски цѣною болѣе 100 рублей, но не свыше 500 рублей, за исключеніемъ лишь исковъ о правѣ собственности на недвижимое имущество“.

Ст. 4. „Кромѣ дѣлъ, поименованныхъ въ трехъ предъидущихъ статьяхъ, мировой судья можетъ принять къ своему разсмотрѣнію, *въ качествѣ третейскаго суда*, по правиламъ, для сего суда установленнымъ, *всякій споръ и искъ гражданскій*, если обѣ тяжущіяся стороны будутъ просить его о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти“.

Съ перваго же взгляда на обѣ эти статьи *проекта* можно видѣть, что статья 3 лишь резюмируетъ изложенныя выше замѣчанія Боатара о томъ, что подъ дѣйствіе ст. 7 *code de pr.* не подходятъ какъ иски о правѣ собственности на недвижимое имущество, такъ равно и иски, превышающіе мировую юрисдикцію по своей *цѣнѣ* (свыше 200 франковъ). Только въ видѣ уступки, надо полагать, указываемому Боатаромъ взгляду доктрины и *французской* судебной практики, допускающихъ волонтарную подсудность въ отношеніи исковъ послѣдней категоріи, составители *проекта* нашего устава приняли, безъ всякаго, впрочемъ, правильнаго основанія, какую-то среднюю норму, допустивъ предъявленіе у мирового судьи, по согласію сторонъ, иски цѣною хотя и болѣе ста рублей (предполагавшагося первоначально максимуму цѣны исковъ, обыкновенной мировой подсудности), но не свыше 500 рублей. Относительно же ст. 4 *проекта*, очевидно, что она предусматриваетъ случай, совершенно чуждый, по выраженію Боатара, содержанію ст. 7 *code de pr.*, а именно—когда тяжущіеся обращаются къ мировому судѣ съ просьбою разобрать ихъ искъ, выходящій изъ предѣловъ компетенціи мировыхъ установленій по самому свойству и роду своему, не въ качествѣ мирового судьи, а какъ третейскаго посредника, по правиламъ, *уста-*

новленнымъ для третейскаго суда—случай, о которомъ въ мировомъ уставѣ, собственно, и неумѣстно вовсе упоминать.

Между тѣмъ, при дальнѣйшемъ ходѣ составленія нашего устава гражданскаго судопроизводства вышеприведенныя двѣ статьи проекта онаго подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Такъ, въ виду того, что при окончательной редакціи судебныхъ уставовъ максимумъ обыкновенной мировой подсудности въ искахъ личныхъ и по обязательствамъ увеличенъ былъ со 100 до 500 рублей, пришлось изложить ст. 3 проекта нѣсколько иначе: „для разбирательства дѣла, гласить теперешняя ст. 37 уст. гражд. суд., котораго подсудность зависитъ отъ мѣста жительства или пребыванія ответчика (пропущено: отъ мѣста нахождения спорнаго предмета— въ искахъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія), тяжущіеся имѣютъ право обращаться, по взаимному согласію, къ тому изъ почетныхъ или участковыхъ мировыхъ судей, котораго они для сего сами выберутъ“.

Что же касается ст. 4 проекта, перешедшей въ 30 ст. устава, то, если бы статья оставлена эта была въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была изложена подъ вліяніемъ „лекцій“ Боатара, она, правда, оказалась бы, повторяю, излишнею въ ряду статей, опредѣляющихъ юрисдикцію мирового судьи, какъ таковаго, но за то она была бы, по крайней мѣрѣ, вполне ясна и вразумительна, и не вызвала бы на практикѣ никакихъ затрудненій. Но, къ сожалѣнію, при окончательной редакціи уставовъ, въ этой статьѣ, по замѣчанію г. Беккендорфа, богъ знаетъ почему, пропущены были первоначально стоявшія въ ней слова: „отъ качествъ третейскаго суда, по правиламъ, для сего суда установленнымъ“, а вмѣсто ихъ употреблено выраженіе: „если обѣ стороны будутъ просить о рѣшеніи ихъ дѣла „по совѣсти““. Вслѣдствіе такой редакціонной „поправки“, смыслъ нашей статьи совершенно затемнился и потребовалось безчисленное множество рѣшеній кассационнаго сената для того, чтобы разъяснить положеніе, которое прежде и было точно выражено пропущенными въ этой статьѣ словами, а именно, что къ

производству мировыми судьями дѣль „по совѣсти“ должны быть примѣняемы правила о *третейскомъ судѣ*. Но и за всѣми разъясненіями правительствующаго сената, правила совѣстнаго разбирательства у мировыхъ судей страдали многими противорѣчіями и несообразностями, послѣдствіемъ коихъ явилось то, что къ *совѣстному* разбирательству у мировыхъ судей нерѣдко прибѣгали только съ цѣлью придать законную санкцію *безсовѣстнымъ* сдѣлкамъ, направленнымъ къ нарушенію интересовъ казны и третьихъ лицъ, пока, наконецъ, въ 1887 г. статья эта, послѣ 23-лѣтней, считая съ 1864 г., *небезпорочной* службы по вѣдомству мировой юстиціи, не была отставлена вовсе и перемѣщена въ отдѣленіе о третейскомъ судѣ, гдѣ, какъ замѣчено выше, она заняла скромное мѣстечко подстатейнаго примѣчанія къ ст. 1367 уст., коимъ постановлено, что мировые судьи не лишаются права быть посредниками въ разрѣшеніи гражданскихъ споровъ по общимъ правиламъ, „*установленнымъ для третейскаго суда*“, чѣмъ, въ сущности, только воспроизведена опять ст. 4 проекта, извлеченная изъ лекцій Боатара.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, съ отмѣною ст. 30 устава, мировой судъ тамъ, гдѣ онъ, въ видѣ исключенія, еще сохранился и не вытѣсненъ окончательно судомъ земскаго начальника, утратилъ, въ сферѣ *официальной своей дѣятельности* въ качествѣ *органа судебной власти*, всякую, даже случайную, внѣшнюю связь съ „*судомъ совѣсти*“, такъ что отъ послѣдняго теперь не остается уже болѣе никакого слѣда, никакого воспоминанія.... 1)

1) Впрочемъ, отдаленный отзвукъ екатерининскихъ совѣстныхъ судовъ, герм. англійскихъ courts of equity, слышится и нынѣшъ подъ „сводомъ“, подъ которымъ едва ли можно было ожидать его услышать—въ положеніи о сельскомъ состояніи (изд. 1876 г.), въ приложеніи къ ст. 32 общ. полож. о крест., вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, содержащемъ въ себѣ „правила объ укрѣпленіи за крестьянами недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ“. Сущность этихъ правилъ заключается въ томъ, что если мировому посреднику будетъ заявлено крестьянами о принадлежности имъ недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго ими на собственные деньги, хотя и на имя помѣщика, то посредникъ обязанъ стараться, прежде всего, окончить сіе дѣло миролюбно;

Желательно ли однако, чтобы на самомъ дѣлѣ оправдался сообщенный газетами слухъ о намѣреніи правительства снова призвать къ жизни, въ той или другой формѣ, бывшіе совѣстные суды? Разсмотрѣніе этого вопроса далеко превышаетъ мою компетенцію и выходитъ изъ предѣловъ настоящей статьи, въ которой, какъ мною и замѣчено въ самомъ ея началѣ, я имѣлъ въ виду только изобразить своими, а частью и чужими словами, генезисъ и послѣдовательную судьбу идеи примѣненія у насъ и въ официальныхъ судахъ начала справедливости и принципа свободной, по убѣжденію судейской совѣсти, оцѣнки фактовъ при разбирательствѣ гражданскихъ споровъ.

Но заканчивая свой очеркъ, не могу не коснуться взгляда почтеннаго автора встрѣченной въ литературѣ сочувственными отзывами книги: „Отчетъ судьи“ по вопросу о соотношеніи между законами и „судейскою властью“. Трактую

буде же такого соглашенія не послѣдуетъ, то онъ составляетъ протоколъ объ отъѣздахъ, объясненіяхъ и, вообще, доказательствахъ, предъявленныхъ ему помѣщикомъ и крестьянамъ, и вноситъ сей протоколъ на разсмотрѣніе уѣзднаго мирового съѣзда. Послѣдній, равнымъ образомъ, старается, прежде всего, привести спорящихъ къ взаимному соглашенію, а если такового не послѣдуетъ, то составляетъ особый о томъ протоколъ, который и вноситъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Съ своей стороны губернское присутствіе, для разрѣшенія дѣлъ сего рода, приглашаетъ въ свое засѣданіе одного изъ членовъ мѣстнаго окружнаго суда, а гдѣ не введены судебные уставы—предсѣдателя мѣстнаго губернскаго судебного учрежденія, и совѣстнаго суда, и въ семъ соединенномъ присутствіи постановляетъ, *въ качествѣ высшаго совѣстнаго суда, окончательное по дѣлу рѣшеніе*. Отличительная особенность разбирательства по дѣламъ сего рода—та, что мѣстныя и губернскія крестьянскія учрежденія обязаны, какъ выражается законъ (ст. 7 правилъ) „принимать въ уваженіе *только* доказательства письменныя“. Но, въ такомъ случаѣ, совершенно непонятно, въ чемъ же собственно проявляется характеръ судебной дѣятельности губернскаго присутствія, какъ высшаго *совѣстнаго суда*? Нужно замѣтить, однако, что въ 1863 г., какъ изложено въ примѣчаніи къ ст. 9 правилъ, повелѣно было предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, или губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, входить, по бывшимъ примѣрамъ, въ главный комитетъ (нынѣ во 2-й департаментъ правительствующаго сената) по такимъ искамъ крестьянъ о земляхъ, присвоеняемыхъ имъ въ собственность, *къ которымъ, по особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, не возможно примѣнить буквально означенныя правила безъ явнаго нарушенія справедливости*. Это уже дѣйствительно напоминаетъ судъ совѣсти, судъ справедливости.

этотъ вопросъ, г. *А. Боровиковскій* развиваетъ отъ своего собственнаго лица положеніе, высказанное въ многократныхъ рѣшеніяхъ сената, изъ коихъ два приведены мною выше, о томъ, что хотя мировому судѣ и предоставляется закопомъ (ст. 129 устава) опредѣлять „значеніе и силу доказательствъ по убѣжденію совѣсти“, чего общимъ судамъ закономъ положительно не предоставлено, тѣмъ не менѣе въ этомъ нельзя видѣть какого либо отличія мирового суда отъ общихъ судебныхныхъ мѣстъ, такъ какъ „всѣ указываемые уставомъ, а тѣмъ болѣе законами матеріальнаго права, правила о доказательной силѣ актовъ и всѣхъ прочихъ видовъ доказательствъ, одинаково обязательны и для тѣхъ и для другихъ установлений“. Но вмѣсто того, чтобы, исходя изъ этого положенія, придти къ изложенному мною выше неминуемому выводу, что, стало быть, фраза „по убѣжденію совѣсти“ помѣщена и въ мировомъ уставѣ развѣ только для красоты слога, для декораціи, не имѣя въ дѣйствительности никакого практическаго примѣненія, авторъ неожиданно дѣлаетъ какъ разъ противоположное заключеніе. Онъ „говоритъ: „*Поэтому я не вижу ни малѣйшей „натяжки“ (кавычки въ подлинникѣ) въ томъ, чтобы выраженіе „убѣжденіе совѣсти“, которымъ законъ характеризуетъ, по отношенію къ мировымъ учрежденіямъ, предоставляемую судейской мысли мѣру свободы въ констатированіи фактической истины, распространить одинаково на общіе суды*“¹⁾. Но авторъ идетъ еще дальше, утверждая, что и вопросъ о *юридическомъ свойствѣ* разсматриваемаго судомъ факта есть вопросъ о „фактической сторонѣ“ дѣла, рѣшаемый судомъ по „убѣжденію совѣсти“ и затѣмъ, что и примѣненіе закона находится въ неизбѣжной зависимости отъ вердикта судейской совѣсти въ томъ смыслѣ, что рѣшая, подходитъ ли фактъ подъ опредѣленіе („предположеніе“) закона, („судейская совѣсть“) тѣмъ самымъ рѣшаетъ вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости къ этому факту того или иного изъ *вѣлній* закона²⁾.

¹⁾ „Отчетъ судьи“ *А. Боровиковскаго*, 1891 г., стр. 220.

²⁾ *ibid*, стр. 234—235.

- Чтобы выяснитъ наглядно всю „натянутость“ этихъ выводовъ Отчета, позволяю себѣ, слѣдуя примѣру самого же автора этой книги, иллюстрирующаго свои тезисы рѣшеніями, извлеченными изъ „архива“ своей личной судейской практики, указать въ свою очередь на два, послѣдовавшихъ *по совершенно однороднымъ дѣламъ*, судебныхъ рѣшенія, которыя, несмотря на то, что одно изъ нихъ, состоявшееся въ окружномъ судѣ, имѣетъ своимъ предметомъ дѣло давно минувшихъ дней, а другое, постановленное совѣстнымъ судомъ, относится уже къ „старинѣ глубокой“, представляютъ, однако, все еще живой интересъ, въ особенности, если разсмотрѣть ихъ параллельно, сравнительно другъ съ другомъ.

Вотъ сущность этихъ рѣшеній. Наиболѣе старое изъ нихъ содержится въ упомянутомъ уже выше докладѣ совѣстнаго суда по дѣлу Никиты Демидова съ женою его.

Демидовъ жаловался, что взявъ жену „по одной только безпредѣльной любви“, изъ бѣднаго семейства, купилъ на собственныя деньги на ея имя обширныя имѣнія и два каменныхъ дома и обогатилъ ея родныхъ, надѣясь всѣмъ этимъ „привлечь ее къ соответствованію на любовь его“, а между тѣмъ жена, вмѣсто любви и благодарности, предавалась время отъ времени порочной жизни и, наконецъ, учинила двукратный побѣгъ изъ дому съ любовниками, унеся съ собою драгоценности и деньги на большую сумму, почему Демидовъ требовалъ возврата укрѣпленныхъ за женою дворовъ и деревень. Демидова же отвергала это требованіе мужа, обвиняя его съ своей стороны въ распутствѣ, жестокомъ съ нею обращеніи и даже посягательствахъ на ея жизнь, а относительно недвижимыхъ имѣній, состоящихъ подъ ея именемъ, объясняла, что они пріобрѣтены отчасти ею самою на деньги, данныя ей свекромъ и мужемъ, въ то время, когда „онъ еще не былъ распутенъ“.

Своихъ заявленій стороны не подкрѣпили никакими доказательствами. Демидова только представила, въ оправданіе своего перваго побѣга изъ дома, письмо, писанное мужемъ къ ея брату, а Демидовъ, въ свою очередь, сослался на все-

подданнѣйшее прошеніе родной матери жены, своей тещи, коимъ подтверждалась вполнѣ справедливость всѣхъ его показаній.

Приступивъ къ обсужденію дѣла, при такихъ его обстоятельствахъ, совѣстный судъ, тщательно взвѣсивъ и разобравъ, пунктъ за пунктомъ, объясненія сторонъ и оцѣнивъ ихъ съ точки зрѣнія внутренней ихъ правдивости, чистосердечности и сообразности съ безспорными фактами и принявъ, въ особенности, во вниманіе „святое материнское свидѣтельство“ (хотя оно, какъ выраженное лишь письменно, внѣ суда, и какъ безприсяжное, не могло имѣть значенія формальнаго доказательства), счелъ себя вправѣ, или, какъ сказано въ докладѣ, нашелся вынужденнымъ „принять болѣе въ уваженіе сходныя съ истинною и на простотѣ души сооруженныя показанія дворянина Демидова“ и отвергнуть всѣ возраженія его супруги.

Обратившись затѣмъ къ соображенію дѣла „съ господствующими въ судахъ обыкновенныхъ законами и съ предписанными въ главѣ 26 учрежденій человеколюбивыми правилами“, совѣстный судъ оказался въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны, дѣйствовавшей въ то время въ общихъ судахъ законъ, наиболѣе „приличный“ сему дѣлу, повелѣвалъ „*въ крѣпостныхъ дѣлахъ быть по крѣпостямъ*“ (указъ 21 февраля 1697 г., п. 12 п. с. зак. № 1572), что означало тогда, какъ явствуетъ изъ ст. 563 т. X ч. 2 (изд. 1876 года), что *въ дѣлахъ о крѣпостномъ правѣ на недвижимое имущество* не должно основывать рѣшенія на показаніяхъ свидѣтелей, а тѣмъ менѣе на присягѣ²¹). Но съ дру-

²¹) Что въ означенной ст. 563 т. X ч. 2 (ст. 684, по изд. 1857 г.) правильнѣе передается смыслъ указа 1697 г., исжели въ примѣчаніи къ ст. 707 т. X ч. 1 (изд. 1887 г.), согласно которому выраженіе: „крѣпостное по крѣпостямъ“ будто-бы значило, что „*всякое обязательство, на письмѣ учиненное, надлежитъ разбирать по словамъ и содержанію того письма, а не по свидѣтельству и не по вѣрѣ*“, это можно заключить изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 25 марта 1863 г., по д. Каменецкаго съ Готье (Ж. М. Ю. за май 1863 г., стр. 456).

гой стороны придерживаться въ данномъ случаѣ строго буквы упомянутаго указа, принять въ основу рѣшенія дѣла точныя слова и содержаніе актовъ укрѣпленія на числившіяся за Демидовою недвижимыя имущества—значило бы явно поспирать высокія правила справедливости, преподанныя учрежденіемъ о губерніяхъ въ руководство совѣстныхъ судовъ. Изъ этой дилеммы совѣстный судъ постарался выйти при помощи такого разсужденія: „Настоящее дѣло есть сущій примѣръ той истины, что есть такія дѣла, кои выходятъ иногда изъ законовъ и кои зависятъ болѣе отъ нравственнаго о нихъ понятія, открывающаго прямой ихъ источникъ, нежели отъ законоположеній, которыя, сколько бы пространны, сколько бы святы ни были, но могутъ иногда и сами уступать сему моральному или нравственному понятію. Кого здѣсь подобаешь болѣе защищать и падить отъ угнетенія: мужа-ли, который наблюдалъ всегда, какъ изъ дѣйствій видно, правила честнаго человѣка... покупая къ тому и великія на имя жены деревни? Но законъ, велящій крѣпостному быть по крѣпостямъ, требованія его о возвращеніи имѣнія въ тщету обращаетъ. Жену-ли удовлетворять отдаченіемъ ей купленнаго на ея имя имѣнія? Но оно мужнее и, слѣдовательно, не доставится каждому принадлежащее. А по сему, кажется, надлежитъ искать середины, удаляясь тамо отъ законовъ, гдѣ истина ощутительна, и совѣсть безкорыстная приѣмлетъ мѣсто закона“...

По симъ соображеніямъ совѣстный судъ, между прочимъ, постановилъ: состояція подъ именемъ Демидовой недвижимыя имѣнія возвратитъ ея мужу, „обратя на имя его и наслѣдниковъ его и крѣпости на сіи имѣнія“.

Таково дѣло, разрѣшенное „по чистой совѣсти“ въ 1779 г. Но вотъ, *сто лтъ* спустя, вполне аналогичное дѣло разбиралось въ общихъ судахъ, дѣйствующихъ по правиламъ судебныхъ уставовъ. Обстоятельства этого послѣдняго дѣла, приведенныя въ рѣшеніи общаго собранія перваго и кассационнаго департаментовъ правительствующаго сената 1879 года № 1, слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было ихъ изла-

гать во всей подробности; достаточно будет только вкратцѣ напомнить о нихъ. Нѣкто признанъ былъ судомъ присяжныхъ виновнымъ въ томъ, что, сблизившись съ вдовою чиновника и обѣщавъ на ней жениться, успѣлъ, посредствомъ ложныхъ увѣреній, занять у нея 15 тысячъ рублей, въ чемъ было и выдать ей письменное обязательство, но затѣмъ, пользуясь, какъ женихъ, ея довѣріемъ, выманилъ у нея это обязательство съ надписью въ полученіи будто бы по оному платежу и, сверхъ того, подъ вымышленнымъ предлогомъ, выманилъ себѣ у той же особы, пользуясь тѣми же личными къ ней отношеніями, передачу, по купчей крѣпости, ея дома. Приговоромъ окружнаго суда обвиненный освобожденъ былъ, однако, вовсе отъ наказанія, въ виду разъясненія сената, что означенные выше поступки, хотя и несогласны съ понятіями чести и нравственности, не могутъ подлежать преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ. Тогда потерпѣвшая, съ которою ея бывший женихъ, какъ это онъ самъ призналъ своему защитнику, поступилъ вообще „разбойнически“, грубо прервавъ съ нею отношенія и поручивъ своему повѣренному выселить ее изъ ея же дома, обратилась съ искомъ въ гражданскій судъ, требуя, между прочимъ, уничтоженія выданной ею на домъ купчей крѣпости. Но, увы, судъ и въ гражданскомъ порядкѣ „не доставилъ каждому ему принадлежащаго“, отказавъ ей въ искѣ.

Спрашивается, чѣмъ объяснить, что почти одинаковое гражданское дѣло разрѣшилось столь различно въ совѣстномъ и окружномъ судахъ? Объясняется это очень просто тѣмъ, что совѣстный судъ, въ качествѣ такового, счелъ себя вправѣ, какъ мы видѣли, игнорируя процессуальное правило: „крѣпостное по крѣпостямъ“, констатировать фактическую сторону дѣла по внутреннему своему убѣжденію, почерпнутому единственно въ глубинѣ своей совѣсти,— не стѣсняясь формальною системою доказательствъ. А разъ фактическая истина была установлена, коль скоро признано, что недвижимое имущество куплено Демидовымъ на собственные его деньги и укрѣплено имъ за женою лишь подъ условіемъ, что

она не будет нарушать супружеской вѣрности, которая между тѣмъ ею безспорно была нарушена, то совѣстному суду стало вполне возможно примѣнить къ дѣлу основныя начала справедливости, являющіяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предписаніями закона: никого не обижать, воздавать каждому свое. Но въ совершенно иномъ положеніи очутился окружный судъ. Если бы и онъ, подобно совѣстному суду, могъ допустить опроверженіе содержанія выданной бывшею невестою своему жениху купчей крѣпости на домъ, посредствомъ ли свидѣтельскихъ показаній, или по „судейской совѣсти“, то ему не трудно было бы въ обширномъ X томѣ свода зак. подписывать „приличную“ норму матеріальнаго закона, оправдывающую уничтоженіе купчей крѣпости, напр. ст. 976, — признавъ, что крѣпостной актъ содержитъ въ себѣ, въ дѣйствительности, не сдѣлку купли - продажи, а дареніе подъ условіемъ (женитьбы), которое со стороны одареннаго лица не было исполнено, — или болѣе общую статью 574, выражающую коренное юридическое начало, что никто не можетъ обогащаться на чужой счетъ безъ законнаго основанія. Но то - то и есть, что окружный судъ, стремясь, въ чемъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія, добратся до „фортеціи правды“, установивъ предварительно фактическую истину, для всѣхъ, впрочемъ, ясную и „ощутительную“, — встрѣтилъ на пути къ своей цѣли непреодолимую преграду, непреступную крѣпость, въ виду стариннаго правила: „крѣпостное по крѣпостямъ“. Это-то правило, получившее лишь новую, еще болѣе шпрукую структуру въ статьяхъ 409 и 410 нашего уст. гражд. суд., заимствованныхъ изъ ст. 1341 Code civ., въ свою очередь почерпнутой изъ ст. 2 тит. 20 ордонанса Людовика XIV отъ 1667 г., быть можетъ, повліявшей также и на вышеупомянутый указъ Петра Великаго 1697 г., — это правило и обратило „въ тщету“ всѣ старанія суда рѣшить дѣло *по совѣсти*.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ мною конкретныхъ примѣровъ легко убѣдиться, что должно быть какъ-то даже *совѣстно* утверждать, вслѣдъ за авторомъ „Отчета судьбы“:

будто и наши официальные суды, общіе и мировые, одинаково съ совѣстными (третейскими) судами, устанавливають, въ спорахъ гражданскихъ, фактическую сторону дѣла, а вслѣдствіе того и рѣшаютъ самое дѣло по „убѣжденію совѣсти“, тогда какъ, въ сожалѣнію, нужно признаться, что у насъ, выражаясь иносказательно словами извѣстнаго афоризма,—*forum iustitiae non est forum conscientiae!*..

Г. Баранцъ.

Объ изданіи въ 1893 году
ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею В. М. Володимірова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права К. П. Змирлова.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. || съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. || за-границей 12 р.
отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 руб.

Подлинныя листы оффиціального изданія рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 31-е декабря подписнаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ июнь осталная до подписной цѣны. сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“ С.-Петербурга, ульз Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова, рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 28; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи—а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1889, 1890, 1891 и 1892 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. М. Володиміровъ.**